

СЁРЕН КЪЕРКЕГОР

БЕСЕДЫ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 1(091)(489)
ББК 87.3(4Дан)
К97

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с датского *А. Лызлова*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Кьеркегор, Сёрен.

К97 Беседы : [сборник] / Сёрен Кьеркегор ; [перевод с датского А. Лызлова]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-189647-8

Сёрен Кьеркегор (1813-1855) — датский философ, один из самых ярких мыслителей Нового времени, богослов, писатель и критик — по праву считается предтечей и одновременно основателем европейского экзистенциализма.

Философские работы, включенные в сборник, посвящены размышлениям автора о практике христианской жизни. Обращаясь к различным местам из Священного Писания, он говорит с читателем о своем понимании веры и о смысле человеческого бытия — не как богослов и проповедник, но как брат во Христе, идущий тем же тернистым путем, что и каждый человек на земле.

УДК 1(091)(489)
ББК87.3(4Дан)

© Перевод. А. Лызлов, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Девять бесед
1843

ДВЕ НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ

*Моему покойному отцу
Михаэлу Педерсену Кьеркегору,
некогда торговавшему трикотажем
в нашем городе, посвящаются эти беседы*

Предисловие

Хотя эта небольшая книга (названная «беседа-ми», а не проповедями, ведь ее автору не дана власть *проповедовать*; «назидательными беседами», а не беседами для назидания, ведь ведущий эти беседы ни в коей мере не претендует на то, чтобы быть *учителем*) желает лишь быть тем, что она есть, то есть чем-то совсем необязательным, и жаждет, втайне явившись на свет, лишь оставаться сокрытой, все же прощался я с ней не без почти что сказочной надежды. Поскольку она, будучи издана, отправилась — в переносном смысле — в своего рода странствие, я на краткое время позволил себе последовать за нею взглядом. Я смотрел за ней, как она шла одинокой тропой или одиноко по проезжей дороге. После одного-двух небольших недоразумений, когда она была обманута поверхностным сходством, она, наконец, повстречала того единственного, кого я с радостью и благодарностью называю *моим* читателем, того единственного, кого она ищет, к кому она

словно простирает руки, того единственного, кто так отзывчив, что дает ей себя найти, кто так отзывчив, что принимает ее, застанет ли она его в мгновение встречи радостным и дерзновенным или «усталым и задумчивым»¹. — Поскольку же она, будучи издавна, в прямом смысле тихо стоит, не меняя места, я на краткое время позволил себе остановиться на ней взглядом. Она стояла, словно неприметный маленький цветок, укрывшийся в огромном лесу, который не выдает себя ни особым великолепием, ни ароматом, ни образом жизни. Но вот я видел, или словно бы видел, как птица, которую я называю *моим* читателем, вдруг заметила ее, стремглав бросилась вниз, схватила ее и унесла к себе. И увидев это, я уже не видел дальнейшего.

Копенгаген, 5 мая 1843 г.²
С. К.

¹ Эти слова, взятые С. Кьеркегором в кавычки, отсылают, по-видимому, к работе морского офицера Ф. К. Лютке «Святое ободрение в часы усталости и задумчивости» (Копенгаген, 1764), в которой в обращении «К читателю» автор пишет: «Я назвал эти размышления „Святое ободрение в часы усталости и задумчивости“ не потому только, что они были составлены и написаны в такие часы, но потому, что в такие часы они и лучше всего читаются».

² 5 мая — день рождения Сёрена Кьеркегора.

I. Чаяние, присущее вере. Новый год

МОЛИТВА

Минул еще один год, Отец наш Небесный! Благодарим тебя за то, что и этот год Ты соделал временем Твоей милости; и хотя нам придется отвечать за этот год нашей жизни, мы не цепенеем от ужаса, ибо мы вверяем себя Твоему милосердию. Новый год стоит на пороге со своими требованиями, своими задачами; и если мы и вступаем в него обремененными и озабоченными, поскольку не можем и не хотим скрывать от самих себя мысль о похоти очей, прельщавшей нас; о сладости мести, соблазнявшей нас; о злобе, в которой мы были упорны; о холодном сердце, бежавшем прочь от Тебя, — то все же мы вступаем в него не совсем с пустыми руками, ведь мы желаем взять с собой и воспоминания о боязливых сомнениях, которые были умирены; о потаенных тяготах, которые были облегчены; о подавленности, которая сменилась вдохновением; о радостной надежде, которая не была посрамлена. И даже когда в мгновения грусти мы желаем укрепить и ободрить душу, думая о великих людях, Твоих избранных орудиях, которые в тяжелой душевной борьбе, когда страх охватывал сердце, не теряли свободы духа, не лишались мужества, и небеса оставались для них открыты, — то к явленному на них мы желаем приложить и наше свидетельство, будучи убеждены, что даже если наше мужество по сравнению с их является лишь малодушием, наша сила — бессилием, то

Ты пребываешь все Тем же — тем же сильным Богом, Который в борьбе испытывает дух, тем же Отцом, без воли Которого ни один воробей не упадет на землю.

Аминь.

***Это послание апостол Павел пишет к Галатам
(3 глава с 23 стиха до конца)¹***

Мы собрались здесь в первый день Нового года, благоговейные слушатели! Праздник, который мы сегодня празднуем, не имеет особого церковного названия, и все же торжество этого дня не становится для нас из-за этого менее желанным, и этот день не менее серьезно, чем другие праздники, приглашает нас к тихому раздумью. Мы собрались сегодня в доме Божиим, где всегда должно говориться об одном, даже если и различным образом в зависимости от времени и обстоятельств. Год миновал и начался новый; в нем ничего еще не произошло; прошлое завершено, настоящего еще нет, есть только будущее, которого еще нет. В повседневной жизни мы порой желаем друг другу разного рода благ. Чем лучше мы, как мы думаем, знаем характер, мысли и увлечения человека, тем легче рискуем мы пожелать ему какого-то определенного блага, которое было бы значимо именно для него и отвечало

¹ А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона до того *времени*, как надлежало открыться вере. Итак, закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою; по пришествии же веры мы уже не под *руководством* детоводителя. Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе. Если же вы Христовы, то вы семя Авраамово и по обетованию наследники.

бы его жизни. И в день Нового года мы не упускаем возможности проявить участие и расположение к ближним, желая им каких-либо благ. Но поскольку в этот день мысль о будущем и о сокрытых в нем неисследимых возможностях живо присутствует в нас, наши пожелания часто бывают обобщенными: мы надеемся, что пожелание большего объема легче сможет вместить многообразие того, что может случиться в будущем; нам кажется слишком трудным желать чего-то определенного перед лицом неопределенного и неопределимого. Но мы не позволяем этой трудности помешать нам выражать пожелания и не даем мысли время на то, чтобы поколебать наше сердце в его таинственном и неопределенном побуждении к этому, — мы следуем нашему расположению к ближним, которое, если даже для него и слишком высокая честь называться любовью, все же при этом не сводится к легкомыслию. Исключение составляет лишь случай, когда мы с особым чувством относимся к какому-то человеку. Его жизнь сильнее затрагивает наше сердце, о его благе мы больше беспокоимся. Чем в большей мере это так, тем неодолимее чувствуем мы себя в затруднении. Погружаясь в грядущее, наша мысль блуждает тогда, неустанно стараясь вырвать или выманить у грядущего то, что оно хранит в потаенности; пытаюсь нащупать след, она устремляется от одной возможности к другой, но тщетно; и душа, которая жаждет обрести подходящее пожелание, становится грустной, она сидит и ждет, чтобы мысль вернулась назад и просветила ее, открыла ей, что же такое могла бы она отважиться пожелать, вложив в это всю глубину своего чувства. То, что другие делают легко и непринужденно, оказывается для

этого человека трудным и тягостным; то, с чем сам он легко справляется, когда дело идет обо всех прочих людях, оказывается трудным для него, когда дело идет о том, кого он любит сильнее всего, — и это затруднение оказывается тем большим, чем сильнее он любит. Наконец, он совсем теряется, он не хочет выпустить из-под своей защиты того, кого он любит, не хочет отдать его на произвол грядущего, и однако он вынужден это сделать; он хочет сопровождать его всеми благими пожеланиями, однако у него нет ни одного.

Если бы снедаемая беспокойством душа какого-нибудь человека почувствовала себя заложницей подобного затруднения, то этот человек, наверное, обратил бы свои мысли и к тем свидетельствам, которые он слышал в храмах Божиих; он, возможно, стал бы ходить в храм, чтобы опять же искать и исследовать, не найдет ли он там такого пожелания, которое столь полно отвечало бы тому, чего он ищет, что он мог бы отважиться вложить в это пожелание всю глубину своей души, не приберегая ни малейшей ее части для того, чтобы пожелать чего-то еще, тоже важного для того, кого он любит; которое столь полно отвечало бы тому, чего он ищет, что скорее можно было бы опасаться, что ему не хватит душевной глубины для того, чтобы пожелать этого так, как следует этого желать; пожелание, вдгонку которому не нужно было бы желать того, чтобы это осталось и не ушло; пожелание, которое, когда человек уже не желает этого, не оставалось бы его донимать; пожелание, которое касалось бы не какой-то отдельной вещи, желая которой, приходилось бы забыть о какой-то другой отдельной вещи, которая потом могла бы всплыть совсем некстати; пожелание, ко-

торое касалось бы не настоящего, но отвечало бы будущему, ведь именно будущее дало этому человеку самый повод чего-то кому-то желать. Если бы такое пожелание нашлось, он обрел бы свободу и радость, он радовался бы этому пожеланию и еще более тому, что он может пожелать это другому.

И ведь в храмах Божиих говорится о многих хороших вещах. Здесь говорится о мирских благах, о здоровье, радостных днях, богатстве, власти, удаче, прекрасных воспоминаниях; и здесь предостерегают от них: того, кто имеет эти блага, предостерегают, чтобы он им не верил; того, кто их не имеет, предостерегают, чтобы его сердце не было к ним обращено. О *вере* идет здесь иная речь. Говорится, что она — величайшее благо, что она прекраснее и драгоценнее всего, что в ней вся полнота блаженства, что она несопоставима ни с чем иным и ничем иным не заменима. Но отличается ли она от других благ лишь тем, что она — высочайшее благо, будучи в остальном подобной им всем — столь же зыбкой и непостоянной, достающейся только немногим избранным и редко кому на всю жизнь? Если бы это было так, тогда было бы необъяснимо, почему в храмах только и говорится что о вере и почему она вновь и вновь восхваляется и славится. Ведь тогда говорящий должен был бы или обладать этим благом, или испытывать в нем нужду. Если бы он обладал им, он, наверное, сказал бы: «Я, без сомнения, признаю, что это прекраснейшее из благ, но восхвалять его перед другими — нет! — я не могу так поступить, ведь от этого станет еще тяжелее тем, кто его не имеет; к тому же с этим благом сопряжена сокровенная боль, которая делает меня одиноким больше, чем самые тяжкие страдания». И это, ко-

нечно, было бы благородно и милосердно с его стороны. Тот же, кто не имел бы этого блага, не мог бы славить его. Тогда вышло бы нечто обратное тому, что на самом деле имеет место; вера стала бы единственным благом, о котором никогда не говорилось бы в храме Божиим; ведь это благо было бы слишком велико, чтобы кто-то осмелился предостерегать против него, слишком великолепно для того, чтобы кто-то осмелился восхвалять его — ведь он бы тогда опасался, что перед ним окажутся те, кто не имеют его и не могут его получить. Но тогда, значит, вера отлична от всех других благ; она не просто высочайшее благо, но она — благо, которому всякий способен стать причастен; и тот, кто радуется обладанию этим благом, радуется и о бесчисленном человеческом роде; «ведь то, чем я обладаю, — говорит он, — тем обладает или то способен получить всякий человек». Тот, кто желает веры другому человеку, желает ее самому себе; тот, кто желает ее самому себе, желает ее всякому человеку; ведь то, в силу чего другой человек ее имеет, это не что-то такое, чем этот другой от него отличается, но то, в чем он с ним един; то, в силу чего он обладает верой, это не что-то такое, чем он отличен от прочих, но то, в чем он полностью един со всеми.

И пожелание веры было бы как раз таким пожеланием, какого искал в растерянности тот человек; пожеланием, которое он мог бы высказать от всего сердца, вложив в это всю свою крепость, всю душу; пожеланием, в которое он мог бы вкладывать все большую и большую глубину чувства по мере того, как все более глубокой становилась бы его любовь. Так что он захотел бы пожелать веры тому, кого он любит.

Если бы некий человек пришел к другому человеку и сказал ему: «Я много слышал, как веру превозносят, называя ее прекраснейшим из благ; я же чувствую себя ее не имеющим, и я — хотя мне мешают перипетии моей жизни, рассеянность души, множество хлопот и многое другое — сознаю в себе одно лишь желание, одно-единственное: обрести ее», — а человек, к которому бы он пришел, был бы расположен благожелательно и ответил: «Это прекрасное и благочестивое желание, которое ты не должен оставлять, и оно, вероятно, будет исполнено», — не правда ли, эта речь показалась бы ему любезной, и он охотно выслушал бы ее, ведь мы всегда охотно слушаем, когда речь идет об исполнении нашего желания. Но время шло, а у него все оставалось по-прежнему. Тогда он пошел к другому человеку и ему тоже открыл свое беспокойство и свое желание. И этот человек посмотрел на него серьезно и сказал: «Как ты можешь так заблуждаться; твоё желание не просто благочестиво и прекрасно, его не просто следует не оставлять ни за какую награду, но ты намного ближе к тому, чего ты желаешь, чем ты думаешь, ведь это — твой долг, ты должен¹ иметь веру, и если ты ее не имеешь, то это твой грех и твоя вина». — Эта речь удивила его, и он подумал: если это так, если вера так легко приобре-

¹ В датском переводе Евангелия, которым пользовался С. Кьеркегор, слова, которые в русском переводе передаются глаголами повелительного наклонения («возлюби», «веруйте» и т. п.), передаются с помощью конструкции с глаголом «должен»: «ты должен любить...», «вы должны веровать...» и т. п. С этим связана важная для С. Кьеркегора тема евангельского «должен». По мысли С. Кьеркегора, если Евангелие говорит тебе: «Ты должен», — значит, ты это можешь, и потому твоя вина, если ты этого не делаешь.

тается, она, по-видимому, не столь прекрасна, как о ней говорят; иначе вышла бы нелепица. За другими благами человек едет на край света; они таятся в далеких местах, в которые человек может попасть лишь с большим риском для себя; или, даже когда это не так, с их распределением происходит то же, что с водой в купальне Вифезда, о которой мы читаем в Священном Писании¹: Ангел Господень по временам сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил в нее — да, кто первый входил в нее, тому улыбалась удача. Так неужели с верой — высочайшим из благ — не должно быть так, но она должна приобретаться безо всякой трудности? Между тем он, наверное, стал бы серьезно думать об этом, и вот когда он по-настоящему глубоко обдумал бы это, он, возможно, сказал бы: «А ведь этот человек был прав, все так, как он сказал; его речь была дерзновенной, в ней были сила и смысл; именно так следует отвечать; ведь что толку в пожеланиях». И он стал бы в безмолвии трудиться в сердце своем; и всякий раз, когда его душа хотела бы отдохнуть от желания веры, он обращался бы к ней, говоря ей: никто ведь не заставлял тебя желать, — и продолжал бы подвизаться. И когда его душа страшилась бы, он обращался бы к ней, говоря ей: ты страшишься оттого, что желаешь, ведь страх — это форма, которую принимает желание; но никто ведь не заставлял тебя желать, — и продолжал бы подвизаться. И когда он был бы близок к отчаянию, когда он говорил бы: я не могу; все люди могут, только я не могу. О! Если бы я никогда не слышал тех слов, если бы мне дали спокойно идти, как я шел с моей заботой — и моим

¹ Ин 5:1–16.

желанием; — он обращался бы к своей душе, говоря ей: теперь ты лукавишь; ведь ты говоришь, что ты желаешь, но делаешь вид, будто речь идет о чем-то внешнем, чего можно желать, хотя ты знаешь, что хотеть можно лишь чего-то внутреннего; ты лжешь самому себе; ведь ты говоришь: все люди могут, только я не могу, — хотя ты знаешь, что в том, в силу чего другие люди это могут, они полностью едины с тобой, так что если бы ты поистине не мог этого, то не могли бы и другие. Ты предаешь при этом не только самого себя, но, покуда это относится к тебе, и всех людей; и с ложным смирением исключая себя из их числа, ты коварно подрываешь их силу! — И он продолжал бы подвизаться. Если бы он долгое время проходил такое воспитание под руководством детоводителя¹, он, возможно, обрел бы веру. «Проходил воспитание», — здесь можно подумать, будто должен быть кто-то другой, кто бы его воспитывал. Однако это не так; это лишь иллюзия, лишь кажимость. Один человек может многое сделать для другого, но он не может дать ему веру. В мире мы слышим, как люди говорят отличные друг от друга вещи. Один говорит: «Мое образование — это мой собственный труд, я ничем никому в этом не обязан», — и он полагает возможным гордиться этим. Другой говорит: «Этот замечательный мастер был моим учителем, для меня честь иметь право называть себя его учеником», — и он полагает возможным гордиться этим. Мы не станем решать здесь, насколько они правы, рассуждая так, но если их слова не пусты, то им, конечно, многое дано: ведь первому изначально достаточно самого себя, а вто-

¹ Т. е. закона. См. Гал 3:24.